ТРЕЗВОСТЬ И КУЛЬТУРА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

4/88

ОРГАН ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА БОРЬБЫ ЗА ТРЕЗВОСТЬ

Сдано в набор 26.02.88 г.
Подписано к печати 31.03.88 г.
Формат 84×108 1/16
Печать офсетная
А04594
Печ. л. 4,0
Уч.-изд. л. 10,2
Кр.-отт. 28,56
Тираж 814.440 экз.
Заказ 373
Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ВЦСПС Профиздат

Телефоны редакции:
приемная — 209-18-39; отдел социальных проблем — 299-52-15; отдел морали и права — 299-13-31; отдел пропаганды и науки — 299-74-58; отдел быта и свободного времени — 299-57-65; отдел литературы, искусства — публицистики — 299-57-65; отдел оформления — 299-01-54.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпрома» Государственного Комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 142300, г. Чехов Московской области

Вниманию читателей! Просим по вопросам содержания журнала обращаться в редакцию, полиграфического брака — на Чеховский комбинат, подписки — в ближайшее отделение «Союзпечати».

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103006 МОСКВА, ЧЕХОВА, 18

ОТ «ДИКТАТУРЫ ТРЕЗВОСТИ» — К «МЕНЬШЕМУ ЗЛУ»

В прошлом году (см. № 10, с. 23) редакция обещала рассказать о состоянии алкогольной проблемы в нашей стране в первые годы Советской власти. Выполняем обещание и начинаем серию публикаций под общим названием «От «диктатуры трезвости» — к «меньшему злу». По-видимому, это название окажется достаточно значимым для многих читателей. С недавнего времени словосочетание «диктатура трезвости» стало употребляться для обозначения антиалкогольной политики в годы установления Советской власти и гражданской войны. Относительно же «меньшего зла» многие вспомнят, что именно так сравнительно с другими способами формирования доходного бюджета характеризовал государственную торговлю водкой И. В. Сталин. По меньшей мере три обстоятельства побуждают нас к внимательному анализу «питейной» и «антипитейной» политики 60—70-летней давности. Во-первых, до сего времени такой анализ не был еще проведен. Во-вторых, существующий вакуум в знаниях порождает кривотолки и домыслы, ошибки и заблуждения. В-третьих, современная алкогольная ситуация, переламывать которую мы начали с мая 1985 года, характеризуется многими процессами, или прямо выросшими из старых тенденций, или аналогичных им. Итак, будем анализировать прошлое и делать выводы.

НИКАКОГО РАССЛАБЛЕНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЯ СИЛ

Революция требует от масс, от личности сосредоточения, напряжения сил... Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало... Повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил.

В. И. Ленин

Представим Политехнический музей в Москве 29 апреля 1918 года. Заседание ВЦИК. Поздний вечер: заседание началось без пятнадцати девять. На повестке дня — очередные задачи Советской власти. Докладывает Владимир Ильич. Сохранились воспоминания писателя, члена КПСС с 1904 года Феоктиста Алексеевича Березовского, в которых отражены живые впечатления от ленинского выступления.

«...Голос звучал тревогой и ненавистью к тем, кто разрушал и саботировал великое дело освобождения трудящихся.

...Деловое напряжение слушателей сменялось ощущением огромной ответственности, которую взваливал на свои плечи пролетариат и его классовая власть».

Цитируя Ленина, всегда испытываешь какое-то сожаление и неудобство: Ильича нужно читать целиком, да к тому же мысленно как бы слушать его речь в исторической обстановке, неотделимой от полемической какофонии бурной эпохи. Но... приходится ограничиться цитированием. И вот представим один из моментов ленинской речи. Время уже где-то к десяти. Владимир Ильич слева от трибуны. В руке листочек с набросками тезисов (большего не нужно: два дня назад опубликована его статья с тем же названием «Очередные задачи Советской власти»). Возвращаясь к основной теме, заявленной в первых же строках,— к главной задаче текущего момента, задаче самодисциплины, задаче борьбы с дезорганизацией, Владимир Ильич бросает в зал простое, хлесткое, образное:

— Организуемся и подтянемся, или некий маленький чумазый, число ему миллион, нас скинет.

Как возник образ этого чумазого — маленького, но одновременно числом в миллион? Трудно сказать, хотя любовь Ильича к подобного рода контрастным ярким образам в устной и печатной публицистике хорошо известна. Но так или иначе мы знаем, что первую атаку на завоевания пролетариата мелкобуржуазная анархическая стихия предприняла в первые же дни после победы Октября — причем предприняла в союзе с алкоголем.

В одной из выпущенных в 20-е годы книг о природе и истории хулиганства как специфического социального явления нарисована такая картина (колоритность зарисовки объясняет целесообразность обширного цитирования): «Когда же разложившаяся царская армия, разделив все, что можно было унести в мешках и котомках, многомиллионной лавой влилась в города и деревни,— началась эпоха, когда в огне и буре революции шли и развивались два параллельных процесса: одни — крестьяне, рабочие, солдаты — вливались стройными рядами в Красную Армию, в революционные партизанские отряды, в политические и общественные организации; другие — образовали стихийную, беспардонную армию мешочников-спекулянтов, всех тех темных деклассированных элементов, которые заполняли российские рынки и толкучки, десятками тысяч копошились на станциях и полустанках... суетились, кричали, торговались, изрыгали потоки матерной брани, буянили, подкупали, то голодали, то жадно упивались пирожными, папиросами, самогоном и кокаином...»

Однако еще прежде самогона в качестве врага революции заявили о себе казенные спирт, водка, вина.

О пьяных погромах в первые недели после Октября написано уже много — в том числе в фундаментальных трудах по истории вооруженного восстания в Петрограде. Рассказывал об этом и журнал «Трезвость и культура» (см., например, № 11 за 1986 год).

Мы уже писали (см. № 10 за 1987 год, с. 22), что алкогольная политика в период хваленого «запрета» 1914—1917 годов оказалась своего рода миной замедленного действия, которая была взорвана в ноябре — декабре 17-го. 700 (по данным «Правды») винных складов со спиртом, водкой и вином, которые должны были быть открыты (согласно принятому летом 1916 года законопроекту «Об утверждении на вечные (?) времена в Российском государстве трезвости») спустя год по окончании мировой войны, и превратились в пороховые бочки, к которым поднесла фитили контрреволюция. Делалось это обычно так.

...Выстрел в воздух. Сбегается банда в 15—20 человек. Начинается раздача вина и — одновременно — листо-

вок с адресами складов с оружием. В ресторанах, трактирах, чайных водка продавалась или очень дешево, или даже раздавалась бесплатно. Одновременно с погромами была организована забастовка дворников и швейцаров, которые открывали двери домов, способствуя грабежам.

Таким образом в единстве действовали **белая** контрреволюция и **черная** сотня.

В этих условиях «Правда» (2 декабря 1917 года) опубликовала обращение, которое мы воспроизводим:

«Тов. рабочие и солдаты! Не позволяйте черным хищникам надругаться над знаменем революции. Будьте тверды как сталь. Будьте борцами. Помните: весь мир смотрит на вас. Пьяницам и погромщикам не место в наших рядах. Долой разбойников-провокаторов! Долой пьяниц! Долой погромы!»

В результате и появился созданный по указанию Владимира Ильича Комитет по борьбе с погромами, руководящую роль в котором играли управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич и комиссар Петропавловской крепости Г. И. Благонравов.

Значение борьбы с пьянством в первые дни и недели революции, фактора трезвости пролетарского, красногвардейского авангарда оценивалось очень высоко. Введение к одной из первых в советское время антиалкогольных брошюр, изданных Комитетом памяти В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной), заканчивалось такими словами: «Под знаменем воздержания от алкоголя народилась и должна укрепляться коммунистическая рабоче-крестьянская Россия».

Не будем, однако, идеалистами. Пьянство, конечно, существовало в стране, но существовало как элемент образа жизни некоторых групп населения и как явление эпизодическое. Однако в тогдашних жилищно-коммунальных условиях, а также в связи с наличием безработицы и из-за употребления в основном оглушающе действовавшего на сознание самогона пьянство носило публично-скандальный («гулевой») характер. Этим и объясняются распространенные в публицистике тех лет гневные обличения употребления спиртного, запечатленные в художественной литературе картины пьяных безобразий, дошедшие до нас сведения о крутых мерах партийных органов против пьянства в рядах партийного авангарда, против сопровождавшихся пристрастием к алкоголю фактов разложения отдельных коммунистов. Политическую оценку подобным фактам дал в предисловии к брошюре «Борьба с наследием прошлого» председатель Реввоенсовета республики С. И. Гусев: «Коммунист пьянствует — меньшевик радуется. Так говорят сознательные рабочие, умеющие ухватить политическую сторону дела». В партии, среди передовых рабочих существовала своего рода якобинская нетерпимость к проклятому наследию.

Владимир Ильич Ленин подчеркивал, что фактором военных побед молодой Советской страны над интервенцией и белогвардейщиной стала «революционная решимость, твердость и непреклонность пролетариата» (*Полн. собр. соч., т. 40, с. 249*). Успешность решения задач диктатуры пролетариата Ленин связывал с умением партии соединить убеждение и принуждение.

Одним из наглядных примеров (и одновременно эффективных опытов) принуждения к железной дисциплине стало введение высшей меры наказания в Красной Армии — в том числе и за пьянство. Такая беспощадность к нравственному пороку, по существу приравнивавшая его к военной измене, может показаться за давностью лет чрезмерной, но только в том случае, если забыть (но разве можно забыть об этом?!), что человеческий, нравственный фактор был единственным, где Советская Россия могла рассчитывать и закономерно рассчитывала на свое превосходство над своими могущественными капиталистическими противниками.

А. Н. Емельянов, чьи воспоминания журнал опубликовал в № 11 за прошлый год, однажды в беседе со мной цитировал запомнившуюся агитку Д. Бедного:

Аль ты не видел приказов на стене —
о пьяницах и о вине?
Вино выливать велено,
а пьяных —
сколько ни будет увидено,
столько и будет расстреляно.

Строго спрашивали с коммунистов за пьянство в период военного коммунизма и в тыловых партийных организациях: уличенных в нем часто приговаривали, так сказать, к высшей политической каре. К примеру, Арзамасский уком РКП(б) в директивном письме, адресованном в ячейки весной 1919 года, указывал, что появившиеся в нетрезвом виде будут исключаться из партии независимо от заслуг.

В опубликованном недавно «Советской Россией» (*1987, 25 октября*) очерке о выдающемся советском партийном и хозяйственном деятеле Авраамии Павловиче Завенягине приводится такой эпизод из периода, когда 20-летний Завенягин руководил крупнейшей в Донбассе Юзовской парторганизацией. Однажды один из крупных хозяйственников — ни много ни мало начальник Юзовского каменноугольного района — напился пьяным. «На следующий день Завенягин пригласил его на внеочередное бюро укома партии. Решение было единогласным: из партии исключить, ходатайствовать о снятии с должности».

Беспартийная масса чрезвычайно чутко относилась к моральному облику члена партии: классовое чутье подсказывало беспартийным, что через моральный «кристалл» можно разглядеть и деловые, политические качества человека, понять, «свой» он или «чужой». Е. Я. Драбкина в популярной книге «Черные сухари» так описывает одно из собраний по приему в РКП(б). «Народ волновал... вопрос: соответствует ли тот, кто идет в ряды партии, высокому нравственному идеалу коммунистов.

— А пить бросишь? — кричали из зала.

— А с женой как ты поступаешь? — спрашивал женский голос.

Под этим углом зрения и обсуждали вступающих. Этого надо принять. А этот не годится: пьяница, матерщинник, залепил затрещину подмастерью. Такой только запачкает собой партию».

Существовавшая в период военного коммунизма система антиалкогольных воспитательных, политико-правовых и экономических средств вылилась в своего рода «диктатуру трезвости». Пропаганда воздержания от алкоголя, строгий запрет на его употребление политическим авангардом завершился учреждением в стране государственной запретительной винной монополии, наличие которой вытекает из двух законодательных актов: подписанного Лениным декрета СНК РСФСР от 19 декабря 1919 года, запретившего на всей территории республики производство без разрешения алкогольных изделий, и положения Плана ГОЭЛРО, провозгласившего **воспрещение употребления** алкоголя (см. План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. *2-е изд.* М., *1955,* с. *174—175*). Эти два государственных акта и означали в совокупности отделение алкоголя (как питьевого продукта) от государства, или запретительную винную монополию.

Разъясняя ее политическую сущность, В. И. Ленин в мае 1921 года на X партконференции подчеркнул: «...В отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму» (*Полн. собр. соч., т. 43. с. 326*).

Таковы были основополагающие положения, которыми регулировалось производство и реализация алкоголя в первое пятилетие Советской власти. Естественно, производство этилового спирта не приостанавливалось и не могло быть приостановлено полностью, но, как отмечал несколько позднее (*1925, № 4*) журнал «Социалистическое хозяйство», «задачей винокурения в Сов. России до последнего времени являлось удовлетворение нужд здравоохранения и технических потребностей промышленности». Тот же журнал в том же номере сообщил, что в годы революции вырабатывалось около 2 процентов спирта по отношению к предвоенному уровню. Журнал «Пищевая

промышленность» пишет об 1 проценте винокуренного производства сравнительно с довоенным. В обширном фолианте «Пять лет Советской власти», содержащем отчеты центральных правительственных учреждений, показаны чуть большие цифры: 2,5 процента для 20-го года, 4,2 процента для 21-го, 1,7 процента для шести месяцев 1922 года.

Разница непринципиальная, поскольку все эти цифры — меньше уровня алкогольного производства даже в период «запрета», существовавшего с осени 1914 года. И потому не случайны такие обобщения: например, в передовой статье специального сборника «На борьбу с самогонкой!», изданного в 1923 году Главполитпросветом: «В период военного коммунизма... развитие алкоголизма было остановлено. Тайное винокурение в деревне почти прекратилось, если и имелось суррогатное производство спиртных напитков (самогона), то преимущественно в пределах индивидуального потребления»; или в сборнике «Вопросы наркологии» (1926 год): «В период гражданской войны и военного коммунизма... потребление алкоголя в России было сведено почти на нет».

Однако впечатления впечатлениями, но цифры и факты убеждают сильнее. Имеются и они. Так, уже упоминавшийся журнал «Социалистическое хозяйство» сообщал точные данные, сколько спирта было изведено «для питьевого употребления при тяжелых работах» (это тогда считалось целесообразным) за шесть месяцев 1922 и два месяца 1923 годов. Так вот: для указанной цели тогдашнее Центральное управление Государственной спиртовой монополии (Госспирт) выделило — здесь придется назвать величину, в которую читатель может просто-напросто не поверить — ... выделило... 371 751 градус (!) спирта* («Социалистическое хозяйство», *1923, № 4—5, с. 307)*. Сообщая об этом, авторы журнала сетуют на то, что «реализация спирта очень трудна из-за ограниченности рынка сбыта, соответственно с монопольным характером спирта, допускающим его продажу исключительно на технические промышленные нужды...» (*там же, с. 306—307)*.

Об этом стоит поразмышлять. Во-первых, нужно отметить, что спиртовая монополия уже существует (да, она была учреждена еще летом 1922 года, а не осенью 1925-го, как принято думать, говорить и писать). Во-вторых и в-главных, эта монополия существует как запретительная спиртовая монополия. Эта монополия, в сущности, наследница или продолжение «диктатуры трезвости», потому что государство, как нам стало ясно из приведенных выше цифр, спирто-водочными изделиями не торгует; виноделие начинает возрождаться только в 1922 году (об этом сообщается в работах по истории винодельческой и пищевой промышленности); первая пивоваренная государственная кампания проводится только в 1922/23 хозяйственном году (хозяйственный год начинался в октябре). Иными словами, существует упомянутое выше своего рода отделение алкоголя (питьевого) от государства, или весьма жесткий «сухой режим» в государственном секторе, хотя с ноября 1921 года в связи с началом перехода к нэпу и разрастающимся голодом и в соответствии с августовским постановлением Совнаркома начинается торговля — весьма хилая — виноградными, изюмными, плодовыми винами крепостью до 12 градусов; разворачивается нэпманский алкоприлавок; есть самогоноварение.

* То есть чуть больше трех тысяч семисот семнадцати с половиной литров абсолютного алкоголя.

По отношению к алкоголю проводится в целом та самая линия, о которой В. И. Ленин говорил на X партконференции.

Ситуация начинает меняться к худшему только с 1922 года, когда, с одной стороны, в практическом руководстве Лениным хозяйственной политикой наступают все более длительные перерывы и наконец (декабрь 1922 года) он в последний раз уезжает в Горки, из которых в Кремль уже не возвращается, а, с другой стороны, все бо́льшую и бо́льшую остроту приобретают споры о выборе способов внутреннего финансирования хозяйственного строительства, в результате которых побеждает точка зрения старых чиновников бывшего царского управления казенной продажи питей. Антиалкогольная направленность государственной спиртовой монополии стала прямо противоположной — алкогольной.

Это драматический момент в нашей истории. К сожалению, один из многих, когда произошел отход от ленинских установок во внутренней политике. Это история роковой ошибки, совершенной в 1924/25 хозяйственном году, когда, по верному замечанию Ю. Черниченко, И. В. Сталина прельстил в качестве средства пополнения казны рецепт старых акцизных чиновников, а именно «путь спаивания тунгусов».

Это специальный разговор.

С. ШЕВЕРДИН

Опыт: ищем, советуемся, рекомендуем...

ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА

Сегодня в жилом секторе насчитывается чуть более 11 тысяч первичных организаций Общества борьбы за трезвость, их численность — 190 тысяч человек. Это составляет лишь 2,6 процента ко всем первичным организациям по стране.

Тем важнее накопленный ими опыт, тем выжнее использовать его в оздоровлении быта квартир, подъездов, домов, улиц..

Первичная организация Псковского жилищно-эксплуатационного участка № 2 была создана по инициативе домового комитета и решению городского Совета Общества борьбы за трезвость. Состоит она из пенсионеров и работников ЖЭУ. Всего в ней 40 человек. И тем не менее силу она представляет вполне реальную. Никто в доме и не припомнит, чтобы пьяница, вызванный первичкой для разбора своего недостойного поведения, не явился бы на заседание, участие в котором принимает домовый комитет и участковый инспектор. Для убедительности на такие заседания приглашаются представители трудового коллектива, где работает квартирный дебошир. Иной раз зовут и его родственников. Начинается взыскательный, принципиальный разговор о человеческом достоинстве.

В первичной организации есть списки всех неблагополучных семей, всех лиц, пристрастившихся к спиртному, квартирных дебоширов и тунеядцев. Под наблюдением членов Общества находятся и те, кто состоит на учете в наркологическом кабинете, кто прошел курс лечения и нуждается в поддержке.

Наряду с индивидуальной работой первичка постоянно ведет антиалкогольную пропаганду. Широко к ней привлекаются работники милиции, врачи, учителя, лекторы общества «Знание». Во дворах домов оформляются стенды наглядной агатации. Здесь читают доклады и лекции, проводятся родительские конференции, на которые приглашают тех, чьи дети состоят на учете в инспекции по делам несовершеннолетних.